

Платон

Теэтет

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П37

П37

Платон

Теэтет / Платон – М.: Книга по Требованию, 2021. – 56 с.

ISBN 978-5-4241-3433-3

Философия Платона почти вся пронизана этическими проблемами: в его диалогах рассматриваются такие вопросы как: природа высшего блага, его осуществление в поведенческих актах людей, в жизни общества. Нравственное мировоззрение Платона развивалось от «наивного эвдемонизма» (Протагор) к идее абсолютной морали (диалог «Горгий»). В диалогах «Горгий», «Теэтет», «Федон», «Республика» этика Платона получает аскетическую ориентацию: она требует очищения души, очищения от мирских удовольствий, от преисполненной чувственных радостей светской жизни.

Задача человека в том, чтобы возвыситься над беспорядком (несовершенным чувственным миром) и всеми силами души стремиться к уподоблению богу, который не соприкасается ни с чем злым («Теэтет»); в том, чтобы освободить душу от всего телесного, сосредоточить её на себе, на внутреннем мире умозрения и иметь дело только с истинным и вечным («Федон»). Платону характерна и примиряющая эвдемоничекая позиция, которая излагается в диалогах «Филеб» и «Законы».

Во всех произведениях Платона подразумевается существование эроса, стремление к идеалу в высшей красоте и вечной полноте бытия.

ISBN 978-5-4241-3433-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2021

© Платон, 2021

Платон
Теэтет

ПЛАТОН

Теэтет

Евклид, Терпсихор, Сократ, Феодор, Теэтет.

ЕВКЛИД. Ты только что из деревни, Терпсихор, или уже давно?

ТЕРПСИОН. Пожалуй, давно. А ведь я тебя искал на площади и все удивлялся, что не мог найти.

ЕВКЛИД. Меня не было в городе.

ТЕРПСИОН. А где же ты был?

ЕВКЛИД. Я заходил в гавань, туда как раз привезли Теэтета по пути из Коринфского лагеря в Афины.

ТЕРПСИОН. Привезли? Живого или мертвого?

ЕВКЛИД. Живого, но еле-еле. Он очень плох - и от многих ран, и еще больше оттого, что его сломила эта новая болезнь, вспыхнувшая в войске.

ТЕРПСИОН. Уж не дизентерия ли?

ЕВКЛИД. Да.

ТЕРПСИОН. Что ты говоришь? Какой человек под угрозой!

ЕВКЛИД. Безупречный человек, Терпсихор. Вот и сейчас я только что слышал, как многие высоко превозносили его военные доблести. Терпсихор. Ничего странного, было бы гораздо удивительнее, если бы он был не таков. Но что же он с не остановился здесь, в Мегарах?

ЕВКЛИД. Он торопился домой. Я-то уж, разумеется, и просил его и увещевал всячески, но он не захотел. И вот, уже проводив его и возвращаясь назад, я вспомнил и удивился, как пророчески говорил Сократ кроме всего прочего и об этом человеке. Кажется, нездолго до своей смерти Сократу случилось встретиться с ним, тогда еще подростком; так вот, общаясь и беседуя с ним, он приходил в большой восторг от его одаренности. Когда я был в Афинах, Сократ слово в слово передал мне а те беседы, которые он вел с ним, - весьма достойные внимания - и, между прочим, сказал, что, судя по всему, этот мальчик непременно прославится, коли достигнет зрелого возраста. Терпсихор. Он был прав, как видно. Однако что это были за беседы? Ты не мог бы их пересказать?

ЕВКЛИД. Так вот, наизусть, клянусь Зевсом, конечно, нет. Но я записал все это по памяти тогда же, сразу из по приезде домой. Впоследствии, вспоминая на досуге что-то еще, я вписывал это в книгу, и к тому же всякий раз, бывая в Афинах, я снова спрашивал у Сократа то, чего не помнил, а дома исправлял. Так что у меня теперь записан почти весь этот разговор. Терпсихор. Да, я уже и прежде слышал это от тебя и, признаюсь, всегда задерживался здесь именно с намерением попросить тебя показать эти записи. Послушай, а что мешает нам проделать это теперь? Я пришел из деревни и как раз мог бы отдохнуть.

ЕВКЛИД. Да ведь я проводил Теэтета до самого Эрина, так что тоже отдохнул бы не без удовольствия. Однако пойдем, и, пока мы будем отдыхать, этот вот мальчик нам почтает. Терпсихор. Правильно.

ЕВКЛИД. Вот эта рукопись, Терпсихор. Весь разговор я записал не так, будто Сократ мне его пересказывает, а так, как если бы он сам разговаривал с тем, кто был при этой беседе. По его словам, это были геометр Феодор и Теэтет. А чтобы в записи не мешали такие разъяснения, как: "а я заметил" или "на это я сказал", - когда говорит Сократ, либо о собеседнике: "он подтвердил" или "он не согласился", - я написал так, будто они просто беседуют сами между собой, а всякие по-

добные пометки убрал. Терпсихор. Да, так это и делается, Евклид.

ЕВКЛИД. Ну, мальчик, возьми книгу и читай.

СОКРАТ. Если бы меня особенно заботила Кирена, Феодор, я бы расспросил тебя и о ней и о ее жителях, .например есть ли там среди юношей кто-нибудь, кто бы ревностно предавался геометрии или какой-нибудь другой премудрости. Но я люблю их меньше, чем вот этих, и более желал бы знать, какие юноши здесь у нас подают надежды. Я и сам слежу за этим, сколько могу, и спрашиваю у других, с кем, как я вижу, молодые люди охотно общаются. А ведь к тебе далеко не мало их приходит, да это и справедливо: кроме прочих достоинств их привлекает твоя геометрия. И я узнал бы с удовольствием, не попадался ли тебе кто-то заслуживающий внимания. Феодор. Да, Сократ, мне не стыдно сказать, а тебе, я думаю, услышать, какого подростка встретил я среди ваших граждан. И если бы он был хорош собой, то я, пожалуй, побоялся бы говорить слишком пылко, чтобы не показалось, будто я неравнодушен к нему: нет, в самом деле, не укоряй меня - он же чтобы прекрасной наружности и скорее даже похож на тебя своим вздернутым носом и глазами навыкате, разве что черты эти у него не так выражены. Поэтому я говорю без страха. Знай же, что из всех, кого я когда-либо встречал - я приходили ко мне многие, - ни в ком не замечал я таких удивительно счастливых задатков. С легкостью усваивать то, что иному трудно, а с другой стороны, быть кротким, не уступая вместе с тем никому в мужестве, - я не думал, что такое вообще может случаться, да и не вижу таких людей. Действительно, в ком столь же остры ум, сообразительность и память, как у этого юноши, те по большей части впечатлительны и норовисты, они носятся стремительно, как порожние триеры, и по природе своей скорее неистовы, чем мужественны; а более уравновешенные, те как-то вяло подходят к учению, их отягощает забывчивость. Этот же подходит к учению и любому исследованию легко, плавно и верно, так спокойно, словно бесшумно вытекающее масло, - и я удивляюсь, как в таком возрасте можно этого достичь.

СОКРАТ. Отрадно слышать. У кого же из граждан такой сын?

ФЕОДОР. Имя-то я слышал, да не помню. Но вот с подходят юноши средний, я вижу, как раз наш, а с ним его товарищи - только что они вместе натирались маслом там, в портике, а теперь, натеревшись, они, по-моему, идут сюда. Посмотри же, не узнаешь ли ты его. Сократ. Узнаю. Это сын сунийца Евфрония, человека как раз такого, друг мой, каким ты описал мне этого юношу; к тому же тот был человек весьма уважаемый и оставил очень большое состояние. А вот имени мальчика я не знаю.

ФЕОДОР. Его зовут Теэтет, Сократ! Что же до состояния, то, кажется, его расстроили всевозможные опекуны. Впрочем, щедрость и благородство в денежных делах - также одно из удивительных свойств этого юноши. Сократ. Судя по твоим словам, это благородный человек. Вели ему присесть здесь с нами.

ФЕОДОР. Будь по-твоему. Теэтет, подойди-ка сюда, к Сократу.

СОКРАТ. Это для того, Теэтет, чтобы я мог разглядеть самого себя - что за лицо у меня. Дело в том, что Феодор говорит, будто я на тебя похож. Впрочем, если бы у нас с тобой в руках были лиры, а он бы сказал, что они одинаково настроены, то поверили бы мы ему сразу же или еще посмотрели бы, знает ли он музыку, чтобы так говорить? Теэтет. Посмотрели бы.

СОКРАТ. И если бы нашли, что знает, то поверили бы? А если бы нашли, что

к Музам он не причастен, то нет? Теэтет. Верно.

СОКРАТ. Так и теперь, полагаю, если подобие лиц хоть сколько-нибудь нас занимает, следует посмотреть, живописец ли тот, кто это утверждает, или нет Теэтет. По-моему, да. Сократ. А Феодор - живописец?

ТЕЭТЕТ. Нет, насколько я знаю.

СОКРАТ. И не геометр?

ТЕЭТЕТ. Как раз геометр, Сократ.

СОКРАТ. И знает астрономию, счет, музыку и все то, что нужно для образования?

ТЕЭТЕТ. Мне кажется, да.

СОКРАТ. Значит, если он утверждает, что мы схожи какими-то свойствами тела, - в похвалу ли он это говорит или в порицание, - то вовсе не стоит принимать это во внимание. Теэтет. Пожалуй, нет.

СОКРАТ. А если он чью-то душу похвалит за добродетель и мудрость? Не стоит ли его слушателю приглядеться к тому, кого он похвалил, а последнему в свою очередь постараться показать себя? Теэтет. Конечно же стоит.

СОКРАТ. В таком случае, любезный Теэтет, самое время тебе показать себя, а мне - посмотреть, потому что, признаюсь, Феодор многих хвалил мне и в нашем городе и в чужих городах, но никого никогда не хвалил он так, как сегодня тебя.

ТЕЭТЕТ. Ах, если бы так! Но не в шутку ли он это говорил, Сократ?

СОКРАТ. Ну, это не похоже на Феодора. Однако, хотя бы ты даже и подозревал, что он шутит, все же от своего обещания теперь не отступай, чтобы не принуждать его к присяге, - ведь его еще ни разу не уличили во лжесвидетельстве. Ты же смело оставайся при своем решении. Теэтет. Что же, придется так и сделать, раз ты настаиваешь.

СОКРАТ. Вот и скажи мне, ты учишься у Феодора геометрии?

ТЕЭТЕТ. Я - да.

СОКРАТ. И астрономии, и гармонии, и счету?

ТЕЭТЕТ. Стараюсь, по крайней мере.

СОКРАТ. Вот и я тоже, мой мальчик, стараюсь учиться и у него и у других, кого считаю знатоками таких вещей. Что-то я уже знаю в достаточной мере, а вот одна малость приводит меня в затруднение, и я хотел бы рассмотреть это вместе с тобой и твоими друзьями. Вот скажи мне, учиться это значит становиться мудрее в том деле, которому учишься? Теэтет. А разве нет?

СОКРАТ. А мудрецы, я думаю, мудры благодаря мудрости?

ТЕЭТЕТ. Да.

СОКРАТ. А это отличается чем-то от знания?

ТЕЭТЕТ. Что именно?

СОКРАТ. Мудрость. Разве мудрецы не знатоки чего-то?

ТЕЭТЕТ. Что ты имеешь в виду?

СОКРАТ. Одно ли и то же знание и мудрость?

ТЕЭТЕТ. Да.

СОКРАТ. Вот это как раз и приводит меня в затруднение, и я не вполне способен сам разобраться, что же такое знание. Нет ли у вас желания потолковать об этом? Что скажете? Кто из вас ответил бы первым? Если он ошибется - да и всякий, кто ошибется, - пусть сидит на осле, как это называется у детей при игре

в мяч. А тот, кто победит, ни разу не ошибившись, тот будет нашим царем и сможет задавать вопросы по своему усмотрению. Что же вы молчите? Или я веду себя дико, Феодор? Так ведь сам я люблю беседу, а потому и вас стараюсь заставить разговориться и получить удовольствие от беседы друг с другом. Феодор. Нет, Сократ. Вовсе не дико. Но все-таки ты сам вели кому-нибудь из мальчиков отвечать тебе. Я-то к такой беседе не привык и уже не в том возрасте, чтобы привыкать. А им как раз следует преуспеть в этом и еще во многом другом. Ведь правда, что молодым все дается. Поэтому, уж как ты начал с Теэтета, так и не отпускай его и ему задавай свои вопросы."

СОКРАТ. Ты слышишь, Теэтет, что говорит Феодор? Ослушаться его, я думаю, ты не захочешь. Нельзя ведь, с чтобы младший не повиновался наставлениям мудрого мужа. Поэтому скажи честно и благородно, что, по-твоему, есть знание? Теэтет. Мне некуда деваться, Сократ, раз уж вы велите отвечать. Но уж если я в чем ошибусь, вы меня поправите.

СОКРАТ. Разумеется, если только сможем.

ТЕЭТЕТ. Итак, мне кажется, что и то, чему кто-то может научиться у Феодора, - геометрия и прочее, что ты только что перечислял, - есть знания и, с другой стороны, ремесло сапожника и других ремесленников - а все они и каждое из них есть не что иное, как знание. Сократ. Вот благородный и щедрый ответ, друг мой! Спросили у тебя одну вещь, а ты даешь мне много замысловатых вещей вместо одной простой.

ТЕЭТЕТ. Что ты хочешь этим сказать, Сократ?

СОКРАТ. Может статься, и ничего, но все же я попытаюсь разъяснить, что я думаю. Когда ты называешь сапожное ремесло, ты имеешь в виду знание того, как изготавливать обувь? Теэтет. Да, именно это.

СОКРАТ. А когда ты называешь плотницкое ремесло? Конечно, знание того, как изготавливать деревянную утварь? Теэтет. Не что иное и в этом случае.

СОКРАТ. А не определяешь ли ты в обоих случаях то, о чем бывает знание?

ТЕЭТЕТ. Ну да.

СОКРАТ. А ведь вопрос был не в том, о чем бывает знание или сколько бывает знаний. Ведь мы задались этим вопросом не с тем, чтобы пересчитать их, но чтобы узнать, что такое знание само по себе. Или я говорю пустое? Теэтет. Нет, ты совершенно прав.

СОКРАТ. Взгляни же еще вот на что. Если бы кто-то спросил нас о самом простом и обыденном, например о глине - что это такое, а мы бы ответили ему, что глина - это глина у горшечников, и глина у печников, и глина у кирпичников, - разве не было бы это смешно? Теэтет. Пожалуй, да.

СОКРАТ. И прежде всего потому, что мы стали бы полагать, будто задавший вопрос что-то поймет из нашего ответа: "Глина - это глина", стоит только нам добавить к этому: "глина кукольного мастера" или какого угодно еще ремесленника. Или, по-твоему, кто-то может понять имя чего-то, не зная, что это такое? Теэтет. Никоим образом.

СОКРАТ. Значит, он не поймет знания обуви, не ведая, что такое знание [вообще]? Теэтет. Выходит, что нет.

СОКРАТ. Значит, и сапожного знания не поймет тот, кому неизвестно знание? И все прочие искусства. Теэтет. Так оно и есть.

СОКРАТ. Стало быть, смешно в ответ на вопрос, что есть знание, называть

имя какого-то искусства. Ведь с вопрос состоял не в том, о чем бывает знание. Теэтет. По-видимому, так.

СОКРАТ. Кроме того, там, где можно ответить просто и коротко, проделывается бесконечный путь. Например, на вопрос о глине можно просто и прямо сказать, что глина - увлажненная водой земля, а уж у кого в руках находится глина - это оставить в покое. Теэтет. Теперь, Сократ, это кажется совсем легким. И я даже подозреваю, что ты спрашиваешь о том, к чему мы сами накануне пришли в разговоре, - я и вот этот Сократ, твой тезка.

СОКРАТ. Что же это такое, Теэтет?

ТЕЭТЕТ. Вот Феодор объяснял нам на чертежах нечто о сторонах квадрата, [площадь которого выражена продолговатым числом], налагая их на трехфутовый и пятифутовый [отрезки] соответственно и доказывая, что по длине они несизмеримы с однофутовым [отрезком]; и так перебирая [эти отрезки] один за другим, он дошел до семнадцатифутового. Тут его что-то остановило. Поскольку такого рода отрезков оказалось бесчисленное множество, нам пришло в голову попытаться найти какое-то их единое [свойство], с помощью с которого мы могли бы охарактеризовать их все. Сократ. Ну, и нашли вы что-нибудь подобное?

ТЕЭТЕТ. Мне кажется, нашли. Взгляни же и ты.

СОКРАТ. Говори, говори.

ТЕЭТЕТ. Весь [ряд] чисел разделили мы надвое: одни числа можно получить, взяв какое-то число равное ему число раз. Уподобив это равностороннему четырехугольнику, мы назвали такие числа равносторонними и четырехугольными.

СОКРАТ. Превосходно.

ТЕЭТЕТ. Другие числа стоят между первыми, например три, пять и всякое другое число, которое нельзя получить таким способом, а лишь взяв большее число меньшее число раз или взяв меньшее число большее число раз. Эти другие числа мы назвали продолговатыми, представив большее и меньшее число как стороны продолговатого четырехугольника.

СОКРАТ. Прекрасно. А что же дальше?

ТЕЭТЕТ. Всякий отрезок, который при построении на нем квадрата дает площадь, выраженную равносторонним числом, мы назвали длиной, а всякий отрезок, который дает разностороннее продолговатое число, мы назвали [несоизмеримой с единицей] стороной квадрата, потому что такие отрезки соизмеримы первым не по длине, а лишь по площадям, которые они образуют. То же и для объемных тел. Сократ. Выше всяких похвал, дети мои. Так что, я полагаю, Феодор не попадет под закон о лжесвидетельстве.

ТЕЭТЕТ. И все же, Сократ, на твой вопрос о знании я не смог бы ответить так же, как о стороне и диагонали квадрата, хотя мне и кажется, что ты ищешь нечто подобное. И поэтому Феодор все-таки оказывается лжецом. Сократ. Что же получается? Если бы, похвалив с тебя за быстроту в беге, кто-то сказал, что не встречал никого столь же быстрого среди юношей, а ты бы в состязании уступил другому бегуну, в расцвете сил и более резвому, - то скажи, разве меньшее правды стало бы в его похвалах?

ТЕЭТЕТ. Не думаю.

СОКРАТ. А исследовать знание, как я только что здесь говорил, - это, по-твоему, пустяк и не относится к самым высоким предметам? Теэтет. Клянусь Зевсом, я думаю, что к высочайшим.

СОКРАТ. А поэтому возьми на себя смелость и не думай, что для слов Феодора не было оснований. Лучше постараися всеми возможными способами добраться прежде всего до смысла самого знания - что же это такое. Теэтет. Если бы дело было в одном старании, Сократ!

СОКРАТ. Итак, вперед! Ведь только что ты прекрасно повел нас. Попытайся же и множество знаний выразить в одном определении, подобно тому как, отвечая на вопрос о [несоизмеримых с единицей] сторонах квадрата, ты все их многообразие свел к одному общему виду. Теэтет. Признаюсь, Сократ, до меня доходили те вопросы, что ты задаешь, и я не раз принимался это рассматривать, но ни сам я никогда еще не был удовлетворен своим ответом, ни от других не слышал такого истолкования, какого ты требуешь. Правда, я еще не потерял надежды.

СОКРАТ. Твои муки происходят оттого, что ты не пуст, милый Теэтет, а скорее тяжел. Теэтет. Не знаю, Сократ. Но я рассказываю о том, что испытываю.

СОКРАТ. Забавно слушать тебя. А не слыхал ли ты, что я сын повитухи очень опытной и строгой повитухи, Фенареты? Теэтет. Это я слышал.

СОКРАТ. А не слышал ли ты, что я промышляю тем же ремеслом?

ТЕЭТЕТ. Нет, никогда.

СОКРАТ. Знай же, что это так, но только не выдавай меня никому. Ведь я, друг мой, это свое искусство скрываю. А кто по неведению не разумеет этого, те рассказывают тем не менее, что-де я вздорнейший человек и люблю всех людей ставить в тупик. Приходилось тебе слышать такое? , Теэтет. Да.

СОКРАТ. А сказать тебе причину?

ТЕЭТЕТ. Конечно.

СОКРАТ. Поразмысли-ка, в чем состоит ремесло повитухи, и тогда скорее постигнешь, чего я добиваюсь. Ты ведь знаешь, что ни одна из них не принимает у других, пока сама еще способна беременеть и рожать, а берется за это дело лишь тогда, когда сама рожать уже не в силах. Теэтет. Конечно.

СОКРАТ. А виновницей этого называют Артемиду , поскольку она, сама не рожая, стала помощницей родов. с Однако нерожавшим она не позволила принимать, ибо человеку не под силу преуспеть в искусстве, которое ему чуждо. Поэтому повитухами она сделала женщин, неплодных уже по возрасту, почтив таким образом в них свое подобие. Теэтет. Это правильно.

СОКРАТ. А разве не правильно, что распознавать беременных тоже должны не кто иные, как повитухи? Теэтет. Разумеется, правильно.

СОКРАТ. Притом повитухи дают зелья и знают заговоры, могут возбуждать родовые муки или по желанию смягчать их, а ту, что с трудом рожает, заставить родить, и если найдут нужным, то выкинуть. Теэтет. Это так.

СОКРАТ. А ты не заметил за ними вот чего: ведь они же и сватать горазды, поскольку умудрены в том, какой женщине с каким мужем следует сойтись, чтобы родить наилучших детей. Теэтет. Нет, я этого не знал.

СОКРАТ. Тогда знай, что этим они гордятся больше, чем отсечением пуповины. Ибо - заметь: будет ли, по- твоему, это одно и то же искусство выхаживать и собирать плоды земли и, с другой стороны, знать, в какую землю какой саженец посадить или какое семя посеять? Теэтет. Бессспорно, одно и то же.

СОКРАТ. А для женщины, друг мой, разные будут ремесла повитухи и свахи?

ТЕЭТET. Похоже, что нет.

СОКРАТ. В том-то и дело. Однако у нас часты случаи неправильного и неумелого сватовства мужчины и женщины, имя которому сводничество. Вот из-за него-то повитухи, как особы священные, избегают сватовства, опасаясь навлечь на себя вину, тогда как, по существу, одним повитухам уместно и подобает сватать. Теэтет. Очевидно.

СОКРАТ. Таково ремесло повитухи, однако моему делу оно уступает. Ибо женщинам не свойственно рожать иной раз призраки, а иной раз истинное дитя, а вот это распознать было бы нелегко. Если бы это случалось, то великая и прекрасная обязанность - судить, истинный родился плод или нет, стала бы делом повитух. Или ты не находишь? Теэтет. Нахожу.

СОКРАТ. В моем повивальном искусстве почти все так же, как и у них, отличие, пожалуй, лишь в том, что я принимаю у мужей, а не у жен и принимаю роды души ", а не плоти. Самое же величие в нашем искусстве - то, что мы можем разными способами допытываться, рождает ли мысль юноши ложный призрак или же истинный и полноценный плод. К тому же и со мной получается то же, что с повитухами: сам я в мудрости уже неплоден, и за что меня многие порицали, - что-де я все высрашиваю у других, а сам никаких ответов никогда не даю, потому что сам никакой мудрости не ведаю, - это правда. А причина вот в чем: бог понуждает меня принимать, роды же мне воспрещает. Так что сам я не такой уж особенный мудрец, и самому мне не а выпадала удача произвести на свет настоящий плод - плод моей души. Те же, что приходят ко мне, поначалу кажутся мне иной раз крайне невежественными, а все же по мере дальнейших посещений и они с помощью бога удивительно преуспевают и на собственный и на сторонний взгляд. И ясно, что от меня они ничему не могут научиться, просто сами в себе они открывают много прекрасного, если, конечно, имели, и производят его на свет. Повития же этого виновники - бог и я. И вот откуда это видно: уже многие юноши по неведению сочли виновниками всего этого самих себя и, исполнившись презрения ко мне, то ли сами по себе, то ли по наущению других людей ушли от меня раньше времени. И что же? Ушедши от меня, они и то, что еще у них оставалось, выкинули, вступивши в дурные связи, и то, что я успел принять и повить, погубили плохим воспитанием. Ложные призраки стали они ценить выше истины, так что в конце концов оказались невеждами и в собственных и в чужих глазах. Одним из них оказался Аристид, сын Лисимаха, было и много других. Когда же они возвращались обратно и вновь просили принять их, стараясь изо всех сил, то некоторым мой гений запрещал приходить, иным же позволял, и те опять делали успехи. Еще нечто общее с роженицами испытывают они в моем присутствии: днями и ночами они страдают от родов и не могут разрешиться даже в большей мере, чем те, а мое искусство имеет силу возбуждать или останавливать эти муки. Так я с ними и поступаю. Но иногда, Теэтет, если я не нахожу в них каких-либо признаков беременности, то, зная, что во мне они ничуть не нуждаются, я из лучших побуждений стараюсь сосватать их с кем-то и, с помощью бога, довольно точно угадываю, от кого бы они могли понести. Многих таких юношей я отдал Продику, многих - другим мужам, мудрым и богоизбраненным. Потому, славный юноша, так подробно я все это тебе рассказываю, что ты, как я подозреваю, вот и он того же мнения - страдаешь, вынашивая что-то в себе. Доверься же мне как сыну повитухи, который и сам владеет с

этим искусством, и, насколько способен, постараися ответить на мои вопросы. И если, приглядываясь к твоим рассуждениям, я сочту что-то ложным призраком, изыму это и выброшу, то не свирепей, пожалуйста, как роженицы из-за своих первенцев. Дело в том, дорогой мой, что многие уже и так на меня взъярились и прямо кусаться были готовы, когда я изымал у них какой-нибудь вздор. Им даже в голову не приходило, что я это делаю из самых добрых чувств. Они не ведают, что ни один бог не замышляет людям зла, да и я ничего не делаю злонамеренно, просто я не вправе уступать лжи и утаивать истинное. Поэтому давай уж, Теэтет, еще раз попытайся разобраться, что же такое есть знание. А что-де ты не способен, этого никогда не говори. Ведь если угодно будет богу и если ты сам соберешься с духом, то окажешься способен.

ТЕЭТЕТ. Конечно, Сократ, раз уж ты приказываешь, стыдно не приложить всех стараний и не высказать, кто что думает. По-моему, знающий что-то ощущает то, что знает, и, как мне теперь кажется, знание - это не что иное, как ощущение. Сократ. Честно и благородно, мой мальчик. Так и следует делать - говорить то, что думаешь. Однако давай вместе разберемся, подлинное что-то родилось или же пустой призрак. Итак, ты говоришь, что знание есть ощущение?

ТЕЭТЕТ. Да.

СОКРАТ. Я подозреваю, что ты нашел неплохое толкование знания. Однако так же толковал это и Протагор. Другим, правда, путем он нашел то же самое. Ведь у него где-то сказано: "Мера всех вещей - человек, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют". Ты ведь это читал когда-нибудь? Теэтет. Читал, и не один раз.

СОКРАТ. Так вот, он говорит тем самым, что-де какой мне кажется каждая вещь, такова она для меня и есть, а какой тебе, такова же она в свою очередь для тебя. Ведь человек - это ты или я, не так ли? Теэтет. Да, он толкует это так. 203

Знание не есть чувственное восприятие

СОКРАТ. А мудрому мужу, разумеется, не подобает болтать вздор. Так что последуем за ним. Разве не бывает иной раз, что дует один и тот же ветер, а кто-то мерзнет при этом, кто-то - нет? И кто-то не слишком, а кто-то сильно? Теэтет. Еще как!

СОКРАТ. Так скажем ли мы, что ветер сам по себе холодный или нет, или поверим Протагору, что для мерзнувшего он холодный, а для не мерзнувшего нет? Теэтет. Приходится поверить.

СОКРАТ. Ведь это каждому так кажется?

ТЕЭТЕТ. Да.

СОКРАТ. А "кажется" - это и значит ощущать?

ТЕЭТЕТ. Именно так. с

СОКРАТ. Стало быть, то, что кажется, и ощущение - одно и то же, во всяком случае когда дело касается тепла и тому подобного. Каким каждый человек ощущает нечто, таким, скорее всего, оно и будет для каждого. Теэтет. Видимо, так.

СОКРАТ. Выходит, ощущение - это всегда ощущение бытия, и как знание оно непогрешимо. Теэтет. Очевидно.

СОКРАТ. Тогда, клянусь Харитами, Протагор был премудр и эти загадочные слова бросил нам, всякому сброду, ученикам же своим втайне рассказал истину.